

и Мегеле, 9 1977, 29
август

О том, что это предположение не лишено оснований, свидетельствуют хотя бы статьи Спекторского, которые Галису удалось обнаружить в довоенных югославских журналах. Одна из них называлась «Поэт Блок и его отец» («Srpski Knjivni Glasnik», № 38, 1933). Другая была опубликована в том же году в № 1 журнала «Ljubljanski zvon».

Много внимания А. Галис уделяет контактам Блока с поляками. Один из розысков, захватывающе интересный сам по себе, закончился удачей, дал возможность расшифровать некоего Пшеднельского, о котором в указателях имен, приложенных к собраниям сочинений Блока, сказано лишь «польский писатель» и больше ничего. Теперь уж ясно почему. Дело в том, что такого писателя история польской литературы не знала.

Человек, чье имя значится в дневниках Блока, должен был знать поэта. Галис предположил, что автор воспоминаний о Блоке, опубликованных в 1932 году в литературном приложении к краковскому «Иллюстрированному курьеру», некий В. Лех и Пшеднельский, в написании фамилии которого, возможно, вкралась ошибка, — одно и то же лицо. Этому поиску в книге Галиса отведена целая глава. Скажем только, что труд исследователя, его интуиция привели к успеху. Лехом и таинственным Пшеднельским и в самом деле оказался один и тот же человек — Владзимеж Пшедпельский, инженер и литератор, племянник известного польского художника Яцека Мальчевского. Пшедпельский служил вместе с Блоком в 13-й инженерно-строительной дружине в Полесье. Сохранилась групповая фотография той поры: на ней в военной форме Блок и Пшедпельский. Впоследствии он переписывался с Блоком, посылал ему свои стихи.

В 1924 году Пшедпельский вернулся в Польшу, работал инженером на железных дорогах, занимал высокие посты в Министерстве сообщений, неоднократно приезжал по делам в Советский Союз. Служебное положение не позволяло ему открыто выступать в литературных изданиях, тем более, как это было в случае с Блоком и в некоторых других, на темы, связанные с Советской Россией. Отсюда псевдоним — В. Лех. Умер Пшедпельский в Подкове Лешней под Варшавой в 1952 году. Письма Блока, которые, по рассказу вдовы, Пшедпельский бережно хранил, пропали в 1939 году, когда супруги поспешно бежали из Познани перед приходом туда гитлеровцев. В архиве покойного инженера Галис обнаружил неизвестный до того рисованный портрет А. Блока, выполненный в 1916 году Пшедпельским, а также план ненаписанного второго тома автобиографической повести «Дороги», одна из глав которой озаглавлена «Блок».

А. Галис убедительно, основываясь на документах, доказывает неправомочность принятого утверждения, будто бы Блок впервые познакомился со своей сводной сестрой Ангелиной в Варшаве. Он встречался с нею тогда, когда она еще училась в гимназии. Другое дело, что за 18 варшавских дней Блок лучше узнал сестру, уже взрослую девушку, чем за время их мимолетных петербургских встреч. В письме к матери Блок пишет о симпатии, которую у него вызывает «интересная, оригинальная и чистая девушка».

Галис перечисляет все встречи Блока в Варшаве. И только одна лаконичная запись в дневнике, так и осталась нерасшифрованной: «У Польки».

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

И семидесяти лет не прошло после пребывания в Варшаве великого русского поэта. Казалось бы, для истории срок ничтожно малый. Однако беспокойное время мало что сохранило из блоковских мест на берегах Вислы. Печально. Но куда важнее, что варшавский период жизни Блока оставил заметный след в русской поэзии. И как отрадно, что в социалистической Польше великий русский поэт, один из зачинателей советской поэзии, нашел новых читателей и почитателей.

ВАРШАВА.